

ФОРМИРОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ДИАЛЕКТОВ

© 2009 С.П. Праведников

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
spprav618@mail.ru*

Курский государственный университет

По мнению современных исследователей, одной из актуальных и сложных проблем отечественной лингвофольклористики является проблема территориальной дифференциации языка устного народного творчества. В статье рассматриваются возможные пути формирования «фольклорных диалектов».

Ключевые слова: лингвофольклористика, территориальная дифференциация языка устного народного творчества, фольклорная диалектология.

Территориальная неоднородность языковых средств устного народного творчества заинтересовала специалистов еще на заре фольклористики. Впервые на нее обратили внимание собиратели русского фольклора XIX века. Они отмечали специфические черты, связанные с местом бытования, практически во всех жанрах песенно-повествовательного фольклора. Предварительные выводы, следовавшие за этими наблюдениями, были прогнозируемы. Неизбежность территориальной дифференциации языка фольклора выводилась из положения, что любое фольклорное произведение исполняется на том или ином диалекте, который используется певцами и сказителями в повседневной жизни, а диалекты эти отличаются друг от друга по целому ряду фонетических, лексических и грамматических показателей. Кроме того, очень четко просматривалось региональное своеобразие традиционной материальной культуры в целом. Так, знаток русского крестьянского творчества В.С. Воронов, рассуждая о характерных чертах северного народного искусства, говорил, что «оно имеет ряд резких особенностей, отличающих его от проявлений художественной стихии в народном быту других областей страны»¹ [Воронов 1972: 302].

Идея пространственной разнородности фольклорных произведений на различных уровнях впоследствии получила широкое освещение в специальной литературе. Размышляя о взаимоотношениях фольклора и народной культуры, Б.Н. Путилов писал: «Фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна. Ее естественная, нормальная жизнь повязана с жизнью определенного, ограниченного теми или иными рамками, коллектива, включена в его деятельность, необходима ему и реализуется характерными для него социально-бытовыми нормами <...> Обусловленность фольклорной культуры, ее содержания, структуры, функций региональными и локальными факторами социоэтнического порядка несомненна» [Путилов 2003: 156-157].

¹ Ср. с мнением по более частному вопросу: «... У русских при общей основе художественной традиции, сложившейся на базе общности происхождения восточнославянских народов, наблюдается определенное различие в колористическом строе между народным искусством северных и южных великороссов» [Рождественская 1981: 291-292].

Сегодня пространственная неоднородность традиционной народной культуры признается большинством ученых и рассматривается как необходимое условие для дальнейшего духовного развития этноса. Академик Н.И. Толстой, прослеживая связи языка произведений устного творчества с территорией их распространения, отмечал: «... Вся народная культура диалектна ... все ее явления и формы функционируют в виде вариантов территориальных и внутридиалектных вариантов с неравной степенью различия. Это находит свое единое выражение в фольклоре, в котором реально бытуют многочисленные варианты текстов» [Толстой 1995: 20].

С подачи академика В.К. Чистова в научный обиход введено понятие «фольклорный диалект». Причиной появления нового термина было то обстоятельство, что национальный фольклорный репертуар не всегда возможно уложить в рамки традиционных «диалектных» зон, и это служит условием образования специфических фольклорных ареалов, не вписывающихся в этнические границы или не покрывающих всю этническую территорию [Чистов 1986: 41].

Поиски «фольклорных диалектов» представляются трудоемкой работой. Сложность обусловлена несколькими причинами. С одной стороны, как отмечал Б.Н. Путилов, трудность региональных исследований заключается «не в отыскании некоей доминанты, чего-то необычного, выпадающего из привычного набора признаков..., а в анализе специфики “общеизвестного” и широко распространенного» [Путилов 2003: 163]. С другой стороны, анализу должно быть подвергнуто именно то «необычное», что отличает друг от друга записи, сделанные в том или ином регионе. Предваряя свое знаменитое исследование русского героического эпоса, В.Я. Пропп особо подчеркивал, что в работе будет проводиться сопоставление вариантов былин, но лишь для того, чтобы «установить, какая идея лежит в основе песни», а не в целях установления «районных» отличий, поскольку сделать это весьма непросто. «При сличении вариантов исследователь не имеет права упускать ни одной детали. При монографическом изучении каждой из былин в отдельности все эти детали могут быть внесены в текст исследования. При изучении же эпоса в целом это невозможно» [Пропп 1955: 21].

Ситуация осложняется наличием давней нерешенной проблемы, в основании которой лежит вопрос о природе языка фольклора. Существуют два взгляда на соотношение устно-поэтической речи и речи диалектной. Первая точка зрения, согласно которой язык фольклора представляет собой «литературную форму диалекта» [Евгеньева 1963], «художественный тип диалектного языка» [Собинникова 1969], т.е. основу устно-поэтической речи составляет диалект, получила широкое признание прежде всего среди диалектологов и лингвофольклористов и была подкреплена многочисленными исследованиями, демонстрирующими единство бытового и фольклорного диалектов на уровне фонетики, грамматики, функционирования и пр. В основе второй точки зрения лежит представление о языке фольклора как наддиалектном образовании. Понятие наддиалектности, зародившееся применительно к поэзии Гомера, было подхвачено исследователями фольклора европейских народов и затем приобрело многих сторонников в стане русских фольклористов. Наддиалектность подразумевает языковое единство представителей разных территориальных диалектов, предельную обобщенность форм, относящуюся практически ко всем уровням языковой системы. Специалисты считают, что наддиалектная форма речи имеет столь же обобщенный характер, что и литературная форма общенародного языка [Десницкая 1970: 35], и наддиалектность представляется как единство специфических черт, таких как широкая распространенность и богатство устно-поэтического языка, максимальная устойчивость его традиций, поливалентность его функционирования [Кумахов, Кумахов 1981].

Неоднократно предпринимались попытки найти компромиссное решение данной проблемы. Одним из первых это попробовал сделать М.Н. Сперанский, который предлагал рассматривать соотношение языка фольклора и диалекта на двух уровнях – уровне языка и уровне речи (в терминологии М.Н. Сперанского – на уровне «записи»), считая, что речь – явление диалектное, язык же произведения находится вне диалекта [Сперанский 1917: 150]. Еще одна «примирительная» позиция отталкивалась от теории княжеско-дворцового происхождения героического эпоса, которую в свое время развивал В.М. Миллер. Было высказано предположение, что поскольку потребителями восточнославянского фольклора до XVIII века были очень разные социальные слои общества, то язык фольклора представлял собой особый наддиалектный народно-литературный язык, сложившийся на устно-речевой основе в дописьменный период. В последующие столетия носителями устной поэзии становятся преимущественно крестьяне, а язык ее соответственно укрепляется в форме одной из разновидностей диалектной речи [Порохова 1974: 63]. Предлагалось рассматривать язык фольклора и как единое диалектно-наддиалектное образование, исходя из того, что произведения традиционного фольклора основаны «на просторечном койне и местно-диалектной форме национального языка» [Гельгардт 1977: 10]. Все попытки не смогли снять остроты вопроса, свидетельством чего являются продолжающиеся публикации на эту тему (напр., работы А.Т. Хроленко «Наддиалектен ли язык русского фольклора?» [Хроленко 1991], Е.Б. Артеменко «Еще раз о диалектном/наддиалектном характере языка русского фольклора» [Артеменко 1994]).

В плане решения данной проблемы на сегодняшний день нам представляется наиболее взвешенной и убедительной позиция А.Т. Хроленко, который, проанализировав аргументацию, представленную сторонниками как диалектного, так и наддиалектного характера устно-поэтической речи, пришел к заключению, что язык русского фольклора представляет собой функционально-стилевую разновидность диалекта, генетически однородную с диалектно-бытовой речью и отличающуюся от последней своей функцией и жанровой дифференциацией. Функция и жанровая дифференциация делает возможным появление в устно-поэтической речи отдельных языковых элементов, свойственных только этой разновидности речи. Вместе с этим происходит изменение в сочетаемости элементов, присущих всем разновидностям диалекта. В целом эти отличия невелики, что не позволяет считать язык фольклора наддиалектным явлением [Хроленко 1991]. Есть мнение, что в дискуссии о диалектном и наддиалектном характере языка фольклора многое стало бы ясно, будь изучена локальная дифференциация фольклорных произведений.

Подход к изучению территориального своеобразия языка фольклора, предлагаемый представителями курской лингвофольклористической школы, имеет ряд отличий от традиционного. Все дело в том, что рассмотрению подлежит не соотношение лексики фольклорных и диалектных текстов на одной территории, а соотношение фольклорных текстов, отмеченных на разных территориях. Это помогает более четко представлять себе, каковы же теоретические предпосылки возникновения «фольклорных диалектов».

Одним из наиболее весомых доказательств того, что фольклорная диалектология существует, является постулируемое с давних времен положение о том, что вся народная культура по своей природе диалектна. «Народная культура столь же диалектна и является не менее ярким показателем этноса и этнических образований, чем язык» [Толстой 1995: 29]. Следует учитывать, что в науке в последнее время заметно изменились представления о диалекте. Это нашло отражение в стремлении выделить даже особую науку – коммуникативную диалектологию (см.: [Герд 2000: 47]); ученые говорят о диалектологии древней религии [Трубачев 2002: 341], о

диалектологии мифологии и диалектологии духовной культуры² [Толстой 1995: 29, 31, 32 и др.]; вводится в обиход понятие «культурный диалект» [Плотникова 2004: 8]; закрепляется мнение, что «русские народные говоры являются речевым воплощением особой традиционной русской деревенской культуры, для которой в ее речевой части характерны собственные прецедентные тексты, свои наборы социально-коммуникативных ролей, специфический состав речевых событий и речевых жанров, свои способы трансляции диалекта во времени, своеобразное речевое сознание, свой речевой этикет...» [Гольдин 2000: 58].

«Фольклорные диалекты» тесно связаны с явлением идиолектности в устном народном творчестве. Именно индивидуальные особенности исполнения зачастую закладывали основу для дальнейшей территориальной дифференциации. На характерные особенности исполнительского стиля обратили внимание еще первые собиратели народного творчества (см., напр.: [Васильев 1907]). Впоследствии это позволило исследователям прийти к выводу, что, несмотря на строгое подчинение индивидуального традиционному, каждое исполнение хорошо известного слушателям произведения должно обязательно содержать элемент импровизации, создающий эффект новизны. «Ведь если бы во все виды народного искусства не вносилось импровизации, традиция стала бы штампом, произведение механизировалось бы, потеряло бы одну из своих основных функций – воздействие на слушателей – и постепенно должно было бы исчезнуть из фольклорного репертуара» [Богатырев 1971: 400].

Фольклорный текст в процессе «эксплуатации» подвергается различного рода изменениям, сокращениям, дополнениям, которые допустимы в определенных рамках, установленных устно-поэтической традицией. Исполнитель, не отступая от канона, привносит в текст произведения что-то новое, какие-то дополнительные вербальные средства, черпая их из резерва традиции. Все это укладывается в определение «вибрация текста», под которым понимается «варьирование как чередование обратимых замен элементов с одинаковыми функциями» [Чистов 2005: 109]. Вибрация текста, основываясь на устойчивости опорной содержательно-художественной конкретике, дополняется т.н. «добиранием» подробностей [Гацак 1975: 49], что может рассматриваться как явная демонстрация идиолектности.

Идиолект в фольклоре проявляется в своеобразии отражения певцом фольклорной картины мира и, как следствие, в использовании различных языковых средств для передачи своего мироощущения. «В идиолект каждого из певцов входят целые серии синонимических рядов, выражающих важные для певца понятия, где у разных сказителей доминантой выступают разные лексемы» [Караваева 1997: 15].

В один ряд с идиолектностью можно поставить явление «семейного диалекта». Анализируя творчество былинных сказителей Рябининых, О.И. Богословская пришла к выводу, что «использование отдельных грамматических форм в былинах Рябининых создает своеобразную семейную традицию», которую «можно назвать и местной традицией, поскольку во многом она определяется и особенностями местной разговорно-бытовой речи» [Богословская 1985: 24].

Следует отметить, что существует определенная сложность в разграничении идиолектного и регионального. Четких критериев выделения как одной, так и другой категории наука не выработала, поэтому многие вопросы, связанные с отнесением

² «Европейская наука прошла путь от установления диалектных границ, изучения отдельных “слов” и “вещей” до междисциплинарных исследований, объединяющих диалектологию языков и диалектологию культур. Эти исследования углубили наше представление о народных говорах как проявлении различного культурного опыта, об их взаимосвязи с духовной культурой, народным менталитетом, коллективным творчеством народа» [Загряжская 1995: 3].

языкового явления к индивидуальным, или территориальным, или другим особенностям, приходится решать с некоторой долей условности. Об этом писал И.А. Оссовецкий: «... В фольклоре, особенно стихотворном, встречаются такие факты, которые поражают своей единичностью ... но решить, представляют ли они собой результат индивидуального речетворчества или принадлежат к языковым особенностям жанра в целом, пока не представляется возможным» [Оссовецкий 1952: 99]. Помимо этого, еще следует учитывать и изменения временного характера, хотя они и минимальны в силу устойчивости устно-поэтического текста и аккумулярующего характера фольклорного слова. Согласно известной концепции Н.И. Толстого, изучение языков и диалектов, где не действует литературная норма, дает возможность наблюдать развернутую в пространстве диахронию, в которой «временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» [Толстой 1968: 342]. Считаем, что временные отличия так или иначе поглощаются пространственным фактором («повествовательное пространство» является выражением «повествовательного времени» [Лихачев 1979: 36]). Для разграничения же идиолектного и диалектного достаточным критерием являются количественные показатели: уникальное использование любого языкового средства свидетельствует в пользу его идиолектности. Данные словаря языка русского фольклора, создаваемого курскими учеными, дают возможность определить, каков удельный вес слов, используемых тем или иным былинным певцом [Хроленко 2000].

Традиция, лежащая как в основе индивидуальной импровизации, так и в семейной исполнительской манере, сыграла основополагающую роль в формировании сказительских школ. Сегодня понятие «школа» в традиционном виде, как его описал В.И. Чичеров [Чичеров 1982], нуждается в корректировке. Ю.А. Новиков, чья кандидатская диссертация была посвящена исполнительским школам Пудожского края, спустя годы пришел к выводу, что многие факты и наблюдения, полученные им в результате расширения исследовательской базы, не укладываются в жесткую схему теории «школ» сказительского мастерства, а некоторые вообще ей противоречат. При анализе русских былин правомернее говорить о локальных эпических традициях, а от термина «школы сказительского мастерства» целесообразно отказаться, чтобы избежать схематизации и упрощения при исследовании сложных, диалектически противоречивых процессов эволюции былинной поэзии [Новиков 2000: 263-266]. Теория региональности сказительской традиции, безусловно, работает на усиление позиций сторонников «фольклорной диалектологии».

Одним из условий территориальной дифференциации устно-поэтической речи является перемещение фольклора в результате миграции. Переселение народных масс зачастую сопровождалось весьма болезненными адаптационными процессами, связанными с изменением климатических условий, этническим окружением, и в этих условиях культура выполняла роль одного из средств адаптации [Гумилев 1994: 29]. В результате миграции менялся привычный уклад жизни, вместе с этим менялся и фольклор. Перманентное движение фольклорного текста отмечал еще в конце XIX века Фр. Миклошич: «... Песня, пока живет, находится в состоянии непрерывного созидания; она и древня, и молода в одно и то же время: древня по первоначальному зерну, так как оно восходит ко времени воспетого события, и молода в своей настоящей форме» [Миклошич 1895: 205].

Процесс миграции текстов и их контактирования сложен и весьма противоречив. С одной стороны, наблюдается самозащита русского народного творчества в условиях иноэтнического окружения, его устойчивость к влиянию автохтонного населения; отмечается стойкость фольклорной традиции, консервация культуры. Это доказано на примере функционирования русского фольклора в Башкирии [Брянцева 1984], Латвии

[Супряга 2000] и других регионах, песенного творчества «семейских» – потомков русских старообрядцев в Забайкалье [Супряга 2002], семиреченских казаков [Багизбаева 1977], канадских духовборцев [Иникова 1995]. С другой стороны, не менее активно происходит процесс заимствования чужой лексики. Изучая проблему возможных взаимовлияний литовских и славянских заговоров на балто-славянских пограничных территориях, М.В. Завьялова пишет: «Контакт двух традиций обусловил двустороннее заимствование: как с литовской стороны, так и со славянской (польской, белорусской, русской) мы наблюдаем перенимание черт соседней культуры» [Завьялова 2002: 547]. Заметно влияние якутского языка на фольклорную традицию русского населения Приленья [Фольклор русского населения Якутии 1994: 6], в речи жителей Русского Устья наблюдается процесс интерференции русского языка с якутским, эвенским, эвенким языками [Азбелев 1986: 7] – можно привести и еще целый ряд примеров.

Как результат миграционных процессов может быть представлен и такой социально-культурный фактор, как смена носителей фольклора. Этот фактор также играет немаловажную роль в процессе территориальной дифференциации языка русского фольклора. Фольклористами неоднократно отмечались случаи взаимопроникновения фольклорных произведений разных этносов. Так, например, в Башкирии зафиксированы случаи перехода русских игровых песен в башкирский и татарский фольклор [Брянцева 1984: 14], в Якутии, где основными носителями фольклора являются двуязычные исполнители, часть песен и частушек поется на русском и якутском языках [Фольклор русского населения Якутии 1994: 6].

Для понимания сути фольклорной диалектологии нужно учитывать и еще целый ряд важных факторов. К ним относится проблема вариативности, непосредственно связанная с территориальным расслоением языка устных народных произведений, поскольку именно многообразие, вариантность лежит в основе любой, в том числе и диалектной, дифференциации.

Несомненный интерес представляет проблема отграничения жанровой специфики от территориальной, потому что фольклорное мировоззрение, отраженное в зеркале жанра, находит вербальное выражение не без помощи «фольклорных диалектов».

Здесь приведен не закрытый окончательно перечень теоретических предпосылок, делающих возможными «фольклорные диалекты»; детальная проработка материала по обозначенным направлениям поможет решить многие важные вопросы фольклорной диалектологии, что даст возможность продвинуться к более глубокому пониманию природы устно-поэтического слова.

Библиографический список

Азбелев С.Н. Предисловие / С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский // Фольклор Русского Устья. – Л., 1986. – С. 5-8.

Артеменко Е.Б. Еще раз о диалектном / наддиалектном характере языка фольклора // Филологические записки. – Воронеж, 1994. – Вып. 3. – С. 106-116.

Багизбаева М.М. [Вступительная статья] // Багизбаева М.М. Фольклор семиреченских казаков. – Алма-Ата, 1977. – Ч. 1. – С. 3-33.

Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М. : Искусство, 1971. – 544 с.

Богословская О.И. Язык фольклора и диалект : уч. пособие по спецкурсу. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1985. – 72 с.

Брянцева Л.И. Русская народная песенная традиция в современной Башкирии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Людмила Ивановна Брянцева ; МГУ. – М., 1984. – 23 с.

Васильев Н.В. Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах // ИОРЯС. – 1907. – Т. XII, кн. 2. – С. 170–196.

Воронов В.С. Проблемы изучения народного искусства // Воронов В.С. О крестьянском искусстве : избр. труды. – М., 1972. – С. 290–318.

Гацук В.М. Сказочник и его текст (К развитию экспериментального направления в фольклористике) // Проблемы фольклора. – М., 1975. – С. 44–53.

Гельгардт Р.Р. К вопросу о лингвистической основе фольклора и его культурно-историческом статусе // Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания. – Калинин, 1977. – С. 8–37.

Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 45–52.

Гольдин В.Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 53–65.

Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М. : ДИ-ДИК, 1994. – 544 с.

Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. – Л. : Наука, 1970. – 99 с.

Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – 348 с.

Завьялова М.В. Проблема возможных взаимовлияний литовских и славянских заговоров на балто-славянских пограничных территориях // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. – М., 2002. – С. 526–548.

Загряжская Т.Ю. Французская диалектология. – М. : МГУ, МАЛПИ, 1995. – 192 с.

Иникова С.А. Проблема сохранения русского языка в иноэтнической среде на примере канадских духовборцев // Сохранение и возрождение фольклорных традиций : Русский фольклор в инокультурном окружении : сб. науч. тр. – М., 1995. – Вып. 6. – С. 152–162.

Караваева М.А. Идиолект былинного певца : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Марина Александровна Караваева ; Орлов. гос. ун-т. – Орел, 1997. – 18 с.

Кумахова З.Ю. Язык западнокавказской устной поэзии как наддиалектная форма речи / З.Ю. Кумахова, М.А. Кумахов // Типы наддиалектных форм языка. – М., 1981. – С. 41–55.

Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – 3 изд. – М. : Наука, 1979. – 360 с.

Миклошич Фр. Изобразительные средства славянского эпоса // Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества. – М., 1895. – Т. I. – С. 205–227.

Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – 374 с.

Оссовецкий И.А. Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 93–112.

Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.03 / Анна Аркадьевна Плотникова ; Ин-т славяноведения РАН. – М., 2004. – 55 с.

Порохова О.Г. Лексика с неполногласием и полногласием в былинах // Диалектная лексика. 1973. – Л., 1974.

Пропп В.Я. Русский героический эпос. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – 552 с.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура ; In *memoriam*. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. – 464 с.

Рождественская С.Б. Отражение отношения «человек – природа» в народном искусстве // *Общество и природа : Исторические этапы и формы взаимодействия*. – М., 1981. – С. 284–293.

Собинникова В.И. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1969. – 103 с.

Сперанский М.Н. Русская устная словесность : (Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера) : пособ. по лекциям на высших женских курсах в Москве. – М., 1917.

Супряга С.В. Лексика русской народной лирической песни в иноэтническом окружении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Светлана Васильевна Супряга ; Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2000. – 18 с.

Супряга С.В. Отражение в языке традиционного фольклора взаимодействия культур : (Категория «свое / чужое»; устойчивость к иноэтническому влиянию / С.В. Супряга, Е.С. Березкина, Р.В. Головина. – Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. – 392 с.

Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // *Славянское языкознание : VI Международный съезд славистов : доклады советской делегации*. – М., 1968. – С. 339–356.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.

Трубачев О.Н. Этногенез культуры древнейших славян : Лингвистические исследования. – М. : Наука, 2002. – 488 с.

Фольклор русского населения Якутии (Русские песни Ленского тракта) / сост. О.И. Чарина. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1994. – 132 с.

Хроленко А.Т. Идиолект былинного певца в словаре языка русского фольклора // *Мастер и народная художественная традиция Русского Севера*. – Петрозаводск, 2000. – С. 298–308.

Хроленко А.Т. Наддиалектен ли язык русского фольклора? // *Фольклор в современном мире : аспекты и пути исследования*. – М., 1991. – С. 59–69.

Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор. – Л. : Наука, 1986. – 304 с.

Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст.. – М. : ОГИ, 2005. – 272 с.

Чичеров В.И. Школы сказителей Заонежья. – М. : Наука, 1982. – 197 с.